

Взгляд чуть выше уровня глаз кошки

6 апреля в фейсбуке появилось [сообщение](#): "Сегодня на улице Сортировочной благодаря местным активистам было полностью разобрано поселение цыган. Сообщается, что на этом месте планируют сделать сквер. Ночью остатки лагеря подожгли. Сейчас на месте работают расчеты ГСЧС".

Тем не менее, 7 апреля утром поселение ромов всё еще можно было увидеть на улице Сортировочной. На берегу озера Нижний Тельбин стояли небольшие домики, собранные из картона, пенопласта, кусков ДСП и случайно найденных дверей и оконных рам.

В этот дождливый день с небольшой возвышенности на опустевшее поселение ромов смотрели два работника районной администрации. Они почти не говорили друг с другом, прогуливались, наблюдали, оглядывали берег озера хозяйским взглядом. Недалеко стоял бульдозер, но водителя еще не было. Представители администрации напоминали бы горожан, вышедших на прогулку, если бы не позы, которые они временами принимали, делающие их неотличимыми от охранников. Если подойти к ним поближе, можно было заметить рядом с ними, чуть ниже по склону, еще двух подобных мужчин, которые также молча инспектировали взглядом окрестности.

Неожиданно со стороны шоссе показалась чудаковатая растянутая процессия: впереди шел молодой мужчина на костылях, за ним женщина в платке с двумя маленькими детьми, затем следовали в шаг с людьми три собаки без ошейников, ряд замыкал пожилой мужчина с маленьким мальчиком. Они, как мне показалось, направлялись к подлежащему сносу поселению ромов. Подойдя достаточно близко к склону, который вёл к разноцветным домикам-палаткам, все они остановились. Женщина взглянула на оставленные дома, затем её взгляд остановился на работниках районной администрации, они в ответ смотрели на неё. Не нарушая общего молчания, вся группа медленно развернулась и, видимо, решив изменить маршрут или намеченные планы, пошла в противоположную от импровизированного посёлка сторону.

Во время этой немой сцены я спустилась к поселению. Работники районной администрации поглядывали на меня с иронией. Один из них громко, так, чтобы я услышала, заметил другому: "Кого у нас только не было! И BBC и CNN вчера приезжали! Тут тебе и камеры, и микрофоны, и журналисты!" Его напарник в ответ лишь развёл руками, дескать, людям делать нечего, что уж тут скажешь.

Я стояла посреди поселения, созданного невообразимой архитектурной фантазией, основанной на приспособлении и прилаживании друг к другу казалось бы совершенно чуждых элементов, линий, материалов. Стена, собранная из плотного картона и перекинутых на него ковров, переходила во входную белую дверь, которая когда-то служила для входа в чью-то ванную. Могла бы предполагать эта дверь – допустим, предметы умеют мыслить, – что ей придётся из служебной квартирной возвыситься до статуса входной, чтобы уже из

этого превосходящего её предназначение состояния перейти в новую форму жизни, стать щепками и пылью?

Некоторые домики были собраны из разноцветных досок и казались издалека увеличенными и чудаковатыми детскими шкафами. Роль входа зачастую играли полови. Двери – тут в архитектурном ходу. Кажется, они представляют собой основной строительный материал, из двух уложенных горизонтально дверей иногда устроены стены, нередко их фрагменты, углы образуют крышу или потолок.

Земля возле небольших построек была усеяна самыми разными предметами, которые только на первый взгляд, еще не осведомлённый, казались сором и отбросами. Покинутое поселение усеивали повседневные мелочи, словно унесённые сюда ветром, необходимые, возможно, случайно дисквалифицированные или почему-то более не нужные. Глядя на них, невозможно не вспомнить на ходу оставленные в домах Чернобыля личные вещи. Детские шапки и парные носки, кем-то предусмотрительно свёрнутые вместе, игрушки, полиэтиленовая плёнка и пакеты, наполненные несколькими шерстяными кофтами, но будто забытые впопыхах; чашки, тарелки, вилки, бейсболки, перчатки, галстуки, полотенца среди растоптанной травы. То тут то там прорастает из-под земли большая рукавица или ножка от стула.

Мне было сложно отвести взгляд от кажущихся горизонтальными и двухмерными предметов, которые были вполне красноречивы и могли с предельной ясностью сообщить, что люди уезжали отсюда в панике или спешке, вероятно, торопя друг друга, с готовностью расставаясь с некоторыми мелочами, которые не успевали уложить в чемоданы, сумки, кульки и узлы. Иногда сложенный для отъезда пакет был кинут, словно его некому было нести, а автобус уже уезжал. Хватило ли в этом автобусе – а мне рассказали, что ромы из своего поселения уезжали на автобусе и что кто-то предусмотрительно снабдил их билетами в один конец, прочь из Киева, – места для всех вещей, людей, детей?

Вскоре тишина и покой вещей были нарушены. Сначала появилась кошка, которая выбежала ко мне навстречу из укрытия. Она бежала наискосок, через весь лагерь, и приветствовала меня, словно давно ждала моего появления. С другой стороны ко мне подошел молодой мужчина. Он назвался Русланом и сказал, что ему 18 лет и до вчерашнего дня он был обитателем этих мест. С ним у нас состоялся диалог, который я попробую частично здесь воспроизвести.

- Что случилось, почему тут никого нет?
- Уехали все. (неопределённый, показательно равнодушный жест)
- Решили и уехали?
- Да.
- Может быть, вынудили уехать или заставили?
- Может быть.
- А где все эти люди сейчас?
- Не волнуйтесь, все уехали. Мы сегодня уезжаем. Сейчас уже наши на вокзале.

- Что же произошло? Объясните мне хоть немного.
- А что произошло?
- Вы говорите, возможно, кто-то заставил вас уехать.
- Да нет. Только вот 7 дней назад пришли люди и сказали: "Всё. Уезжайте". Нам сказали, мы послушали, и тут больше нельзя было быть.
- Кто же приходил? Кто эти люди? ("Почему нельзя?" - думала я)
- Неважно. Люди были, сказали. Мы решили вернуться домой.
- Значит, поселение никто не поджигал?
- Поджигали.
- А чья это кошка?
- Кого-то из наших, я её заберу с собой. Что-то для неё придумаем. (и тут он взял кошку на руки)

– Вы тут жили?

– Жили, работали, в селе рубили дрова и другие работы делали, металл копали. На дом зарабатывали. Строим дома, чтобы жить, а тут на заработках. Мы из Ужгорода сами.

– Расскажите, кто жил с вами по соседству, в этом, например, доме?

– Давид жил. Давид с семьёй. Хворый был, семья его тут в больнице лечила. Чем жили? Сдавали металл на приёме, так и жили.

– А в этом доме?

– Ваня с семьёй и детьми, мы вместе ходили копать железо в десятом полигоне. Эх! Смотрите, хорошо жили люди!

– А тут?

– Барон наш, как вы говорите. Не настоящий, ответственный только. Боксом занимался и с детьми тоже. Рядом Юра с женой жили, по карманам ходили, тем зарабатывали. Давайте я немного помогу вам?

Руслан захотел помочь мне сделать фотодокументацию уничтоженного поселения. Он сбивчиво и очень коротко рассказывал о каждом доме и его обитателях, но сейчас тут доживали последние часы лишь пару испуганных собак и кошка.

Мне пришлось фотографировать так, словно я смотрю на эти конструкции, подпорки, перегородки, двери, столы с остатками овощей, кровати взглядом этих животных. По крайней мере так я оправдала для себя то, что решила не делать ни одного кадра с высоты собственного взгляда.

Вместо послесловия

Инициатором выселения ромов и уничтожения их временных жилищ стал депутат Киев рады, председатель постоянной комиссии по вопросам бюджета и социально-экономического развития Андрей Странников, – [пишет “Громадське”](#).

Ольга Веснянка, журналистка совместной программы ромского и “Громадського” радио “Chiriklo” [сообщает о многочисленных угрозах](#), которым последнее время подвергались семьи, жившие в поселении ромов.

За неделю до того, как ромы покинули лагерь, ранним утром на место их палаточного городка пришли люди, назвавшие себя “политическими активистами”, лица их были закрыты балаклавами. Они проникали в дома, фотографировали проснувшихся детей, взрослых и затем настоятельно рекомендовали им покинуть это место обитания и вообще – уехать из Киева.

Дети, живущие в лагере, почему-то не были приняты в обычные школы, но проходили школьную программу отдельно, вместе с волонтерами, благодаря которым можно [узнать подробности](#) этой организованной зачистки поселения киевских ромов.

Когда я подошла к дежурящим возле лагеря работникам районной администрации, они, как мне показалось, были рады возможности высказаться. С искренним удивлением они

выслушали мои вопросы о насильственной ликвидации лагеря: “Все врут! Радио врёт, пресса врёт! Цыгане или ромы, как вы говорите, уезжали добровольно. Им билеты купили! Да они счастливы были уехать. Так и говорили: слава Богу, мы уезжаем. Никто их отсюда не выгонял. Они собрались своим советом, со старшими своими баронами или авторитетами, посоветовались как следует и постановили съехать. Тихо мирно съехали, мы точно об этом знаем, на наших глазах это было, а пресса раздула историю. Будет тут теперь нормальная жизнь. Врут журналисты, откровенно врут. Лично подтвердить? Нет, мы люди маленькие. Мы тут свою должность по благоустройству выполняем. Вы обращайтесь в пресс-отдел, там вам всё и расскажут и подтвердят.”

В феврале этого года была создана [петиция](#), требующая ликвидации поселения ромов на Нижнем Тельбине. Петиция не представляет собой рациональный текст, скорее призыв. Её скромные размеры позволяют привести её тут полностью.

ПРОТИПРАВНА діяльність ромів базується на :

- 1) НЕЗАКОННОМУ самовільному заволодінні землею – стаття 239-1 КК України;*
 - 2) Крадіжках особистого й суспільного майна – стаття 185 КК України;*
 - 3) Використанні малолітніх дітей для занять жебрацтвом – стаття 150-1 КК України;*
- Органи місцевого самоуправління в особі райдержадміністрації, правоохоронні органи, знаючи про проблему, НІЧОГО не роблять, хоча зобов'язані. Це злочинна бездіяльність. Керівництво КМДА, Національної поліції Києва – Ви перевіряєте громадян на терпець? Чи може почнете робити те, що вимагає ЗАКОН?????*

Петицію подписали 3344 человека.

В дополнение приведу фрагмент комментария под [статьёй на “Громадськом” радио](#):

"Спитайте будь-кого з нашого району, вам наведуть тисячі прикладів крадіжок, хамства, жебрацтва, антисанітарної, антиекологічної, антигуманної по відношенню до місцевих тварин поведінки цих людей. І жителі Березняків втомилися від цього."

Любая, пусть и абстрактная ненависть к условной группе людей, как правило, прикрывается “здравым смыслом” и использует для оправдания продиктованных ею действий не что иное, как “высшую мораль”, совокупность привычных и необсуждаемых взглядов, приправленных “благими намерениями”.

Коллективная вина ромов в свете этой морали является чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим истолкованию. Проступки единиц разрастаются до небывалых масштабов, множатся, клонируются и превращаются в несмыслимое пятно позора, захватывающее целые поселения, народы, этнос.

Руководствуясь этим смутным набором предубеждений, анонимные “активисты” посчитали своим правом или даже “долгом” шантажировать целое поселение. Угрожая, нарушая чьё-то частное пространство, “активисты” сами оказались в положении преступников, подлежащих уголовной ответственности. Видимо, вполне осознавая это, они постарались прикрыть свои

лица.

Но действовали “активисты” не сами по себе. Они опирались на воображаемый консенсус украинского общества, признающий некую вину и следующую за ней коллективную ответственность. Они словно вступили в невидимый заговор с обществом, что обнадёжило их в собственной безнаказанности.

Петиция, которую я тут цитирую, даже не пытается привести в пользу своих доводов логические и законные основания, потому что их не существует. Ссылаясь на законы, не имеющие отношения к данному поселению, она опирается на общий взгляд, привычные убеждения, которые не обязательно проговаривать вслух, потому что они *понятны* каждому.

Антисанитария, естественным образом распространённая в поселении, в котором нет воды, электричества и других необходимых для жизни коммуникаций, зрелище кажущейся демонстративной нужды свидетельствуют не только о слабости государства и городских властей. Ромы должны быть наказаны за неустроенность, очевидную неспособность самостоятельно наладить свой быт, словно уничтожив их поселение киевляне смогут избавиться от собственной неустроенности, от разрушения городской инфраструктуры, от хаотической и варварской застройки, уничтожающей город.

Ненависть к чужой бедности – это в нашем случае ужас и бессилие перед собственной.

Месть ромам за их социальную эксклюзию – скрытая ярость по поводу собственного социального бессилия, невозможности влиять на разрушительную городскую политику.

Насильственное выселение ромов, граждан Украины, у которых, как у всех остальных граждан, есть право на свободу передвижения и выбора места жительства, является практикой дискриминации и социальной сегрегации.

В данном случае эта практика осуществилась благодаря слиянию усилий популистской городской власти и неопределённой “активистской” среды. Против этого выселения подняли голос журналисты и волонтеры, но из-за ряда обстоятельств никто не воспрепятствовал действиям городской власти и неизвестных, которые предпочитали появляться в поселении ромов с закрытыми лицами.

Страхи, готовая выплеснуться на беззащитный объект, но всё же сдерживаемая агрессия, обвинение и наказание жертвы дискриминации – всё это существует в нашем и других обществах рядом с противоположными течениями. Волонтерское [движение “Молодёжь за мир” работало с детьми из поселения ромов](#), правозащитники и журналисты поддерживали его жителей.

Но действительность, в которой будет жить общество, определяют не только намерения и повседневные усилия, ещё больше её формируют исполненные политические решения и их последствия.

Почему так сложилось, что волонтеры, правозащитники, как и жители поселения, оказались

беспомощны перед лицом неизвестных “активистов” в масках и сомнительной деятельности депутата Киевской рады? Почему неизвестные “активисты” смогли принять от лица города решение о том, что в Киеве не будет этого поселения ромов, а жители поселения должны быть высланы?

Тем временем бульдозеры сравнивали поселение с землёй. На этом месте будет благоустроенная территория, тут разобьют сквер, забытые личные вещи и щепки отнесут на свалку, но некоторые из них будут засыпаны землёй, они станут удобрением, на котором вырастет прекрасный парк, где мы все сможем чудесно проводить время.

